

УДК 165.3

К. И. Зобенко
аспиранткафедры философии и методологии познания
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ИНТРОСПЕКЦИЯ МЕТАКОГНИТИВНОГО ОПЫТА В «ЯЗЫКОВЫХ ИГРАХ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

*...Он всматривался в себя и становился свидетелем незримого,
с фантазией, обретающей окончательную свободу лишь в интроспекции.*

В отличие от древних ученых, наше знание о мире и человеке в нем достигло такой степени фрагментации, что порой трудно найти точки сопряжения для знаний, полученных частными науками, даже если эти науки объединяет общий объект изучения – как, например, в случае с лингвистикой и философией, – сознание. Сама же философия (в ее классическом понимании), определяемая как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, страдает врожденным пороком отвлеченной созерцательности, ибо она «совершенно не имеет всеобщих значимых результатов» [2, с. 231]. Возможно, стоит предположить в данном контексте, что такого единодушия и не может быть, так как проблема познания в философии не может быть разрешена до тех пор, пока не разрешена проблема языкового значения.

Сэнди Грант, философ из Кембриджского университета, пронизательно отмечает, что практически любая деятельность человека связана с речью и использованием слов, но люди настолько привыкли к тому, что умеют говорить, что перестали этому удивляться. Обычно люди даже не замечают, как мысли и слова отражаются на образе и качестве жизни. Но они влияют на то, кем мы можем стать. Кроме того, язык становится инструментом для проведения условной границы нашего мира. Мышление неотделимо от языка. Границы нашего языка одновременно являются границами мышления. Следовательно, границы выражения мысли являются одновременно границами мира, так что логика языка дает нам полное представление о логике мира. Но можем ли мы, выполняя условия игры, которые устанавливает язык, вырваться из плена и расширить границы мышления? Впервые этим вопросом задался один из величайших философов XX в. Людвиг Витгенштейн. Он ввел термин «языковая игра», стремясь в своей логико-философской концепции установить границы мышления человека.

Исследование языковой картины мира – одно из наиболее активно разрабатываемых направлений когнитивной лингвистики: «Целью лингвистического анализа становится тогда выявление и детальное описание структур знания, мнений, оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой. При акценте на когнитивной составляющей этих явлений речь идет об их содержании и значении, при акценте на дискурсивной – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц» [10, с. 29]. Перед современной когнитивной лингвистикой стоят задачи выявления способов, форм языкового миромоделирования, а также влияния языковых моделей мира на другие типы когнитивной деятельности человека, формирование моделей его речевого и неречевого поведения. Современная когнитивная лингвистика принадлежит к числу наук, исследующих своими специфическими методами один общий предмет – когницию.

Понимание языка как существенного условия позднейшего совершенствования мысли является одним из основополагающих тезисов современного междисциплинарного подхода к изучению языка в непрерывной связи с когницией и метакогницией в целом, и их взаимообусловленности.

В контексте сказанного выше можно выделить проблему: каков вклад языка в формирование метакогнитивных способностей человека и, соответственно, в какой степени становление метакогниции способствует развитию языка?

Цель исследования – раскрыть феномен «языковых игр» Л. Витгенштейна, показать взаимосвязь категории метакогниции и языка.

Язык – это вербальное выражение наших мыслей, поэтому способ наших мыслей образует такую языковую практику, которая, в свою очередь, определяет вместе с мышлением тип наших действий. Л. Витгенштейн утверждал, что слова приобретают смысл только в процессе их использования, а сами по себе они не несут смысловой нагрузки. Таким образом, важен контекст, иначе говоря, социальные практики, которые выполняются по определенным правилам. Это наблюдение позволило Л. Витгенштейну сравнить деятельность человека с игрой.

Под «языковыми играми» Л. Витгенштейн понимает целую систему коммуникации, включающую в себя язык и действия, с которыми он тесно переплетен. На основании простых игр мы можем за счет обучения новым правилам выстраивать новые и всё более сложные игры, тем самым увеличивая практику и деятельность языка. Игра подразумевает следование некоторому правилу, которое человек точно сформулировать не может, так как для каждой игры требуются свои правила. Для разных игр задаются разные «комбинации», ходы, которые позволяют функционировать игре как таковой и отличать её от другой. Игра без правил не является игрой. В ней также должен присутствовать элемент творчества и воображения.

Именно поэтому Л. Витгенштейн использовал такой термин, как «языковая игра», чтобы привлечь внимание не только к особенностям языка самого по себе, но и к действиям, с которыми он напрямую связан. Например, такие восклицания, как: «Помогите!», «Огонь!», «Нет!» – призывают к определенным действиям: быстрой реакции на опасность, несут в себе предупреждение или запрет. Однако Л. Витгенштейн хотел пойти дальше и выявить сам процесс, описать, как именно слова превращаются в действия.

На этом этапе философ столкнулся с проблемой, ведь подобный процесс не просто объяснить и теоретизировать. Согласно его теории, язык не представляет собой какую-либо статичную систему. Он динамичен и многообразен. И языковая игра – это единство языка и деятельности целого в процессе жизни человека. Языковых игр, по утверждению Л. Витгенштейна, бесконечно много, и их бесконечное многообразие – это и есть обилие метакогнитивного опыта. Невозможно классифицировать эти когнитивно-речевые практики и игры в виду того, что существует огромное количество возможных вариаций игр и практик, а также их видов и разновидностей.

В то же время Л. Витгенштейн стремился выяснить, как именно язык «говорит» с субъектом, как он встраивается в ежедневную деятельность человека и становится «формой жизни». В «Философских исследованиях» (1953 г.) Л. Витгенштейн приводил пример, демонстрирующий, как язык согласуется с «формами жизни». На стройке один из работников указывает на кирпич и говорит: «Плитку!», в это время второй строитель поднимает кирпич и подает его напарнику. Так что же тут происходит? Помощник выполнил просьбу командира и сделал это осмысленно, а не как преданный пес, который просто среагировал на команду. Люди единственные существа, которые используют язык, обращаясь к особым социальным практикам.

Сосредоточив внимание на «языковых играх», Л. Витгенштейн просит читателей попытаться понять, что именно они делают. Если деятельность человека так плотно зависит от лингвистических практик, то способен ли он вообще провести границу между словами и реакцией на них, а также выделить язык как отдельную область для изучения. Идея Л. Витгенштейна подвергалась яростной критике, его обвиняли в заикленности на языке, которая отвлекает внимание от реальности. Главным оппонентом языковой теории Л. Витгенштейна можно назвать Герберта Маркузе, который в своем тексте «Одномерный человек» (1964 г.) объявил работу Л. Витгенштейна ущербной и ограниченной. Согласно Г. Маркузе, человек не сможет обрести свободу от языка, а также не сможет познать истинную реальность, детально изучая лингвистику. Он критиковал логический анализ языка, утверждая, что этот метод не даст результатов. Г. Маркузе выдвинул серьезные обвинения. Однако насколько они состоятельны? Выдержат ли критику его аргументы?

Г. Маркузе заявил, что языковая теория Л. Витгенштейна неполноценна и бедна, поскольку она заиклена на языке и не имеет выхода на объекты реальности. Л. Витгенштейн, в свою очередь, видел особый смысл в термине «языковые игры», ведь он проясняет многие моменты его теории. Но Г. Маркузе заявил, что термин «глупый» и он не вносит никакой ясности. Так кто же прав? В тексте «Культура и ценности» (1977 г.) Л. Витгенштейн признается, что ему пришлось пройти очень сложный путь, чтобы научиться видеть то, что на самом деле всегда у нас перед глазами. Он с сожалением пишет, что люди слишком часто не замечают очевидного. Очевидные истины сложнее всего понять в силу того, что они слишком близко и о них не принято размышлять рефлексивно. Когда мы используем слова, мы каждый раз участвуем в переносе значения слова на новый контекст и обнаружении нового способа его использования. Иначе говоря, создаем новую языковую игру [18, с. 169–174]. Л. Витгенштейн сумел увидеть в очевидном явлении его необычный аспект.

Язык и речь являются неотъемлемой частью жизни человека. Л. Витгенштейн убежден, что человек стоит на границе мышления и реальности, и язык позволяет более четко обозначить эту границу. Поскольку каждый из нас сам становится границей своего мира, это значит, что человек всегда будет сталкиваться с проблемой недопонимания между людьми. И это неизбежно. Такова основная особенность языка, который оформляет индивидуальное мышление каждого из нас. Однако спасением от солипсизма служат именно языковые игры. Они развивают гибкость мышления, способность человека идти на компромисс, использовать разные обороты речи для того, чтобы достичь понимания с окружающими.

В основу понятия «языковая игра» положена аналогия между поведением людей в играх как таковых и в разных системах реального действия, в которые вплетен язык. Среди назначений идеи игры Л. Витгенштейн указывает доведение до сознания читателей необычайного многообразия инструментов языка (тип слова, предложения и др. – К. З.) и способов их применения, что должно дать толчок укорененному в сознании представлению о том, что язык всегда работает одинаково и служит одной и той же цели.

Восприятие жизни и действительности как игры издревле присуще сознанию человека. Уже в Ригведе творение мира интерпретировалось как игра бога Брахмы – акт творения ассоциировался с игрой. Язык (речь) тоже традиционно можно интерпретировать как игру: «Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли. За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, измышленный мир» [22, с. 507].

Исследования в области нейрофизиологии касаются механизмов человеческого мышления, организации сознания

и самосознания. Проблема отношения сознания и мозга напрямую связана со способностью речепроизводства.

Признание речемыслительной деятельности как единого психического процесса не исключает дискуссии о том, каков вклад языка в формирование метакогнитивных способностей человека, с одной стороны, а с другой – в какой степени становление метакогниции способствует развитию языка.

Когниция характеризует способность когнитивных субъектов воспринимать, конструировать и обрабатывать когнитивную информацию. Метакогниция понимается как свойственная высокоорганизованному сознанию когнитивная функция мониторинга когнитивных процессов, контроля и оценки их результатов. Это либо интроспективный анализ наших собственных ментальных состояний, либо прогностически-вероятностный анализ ментальных состояний другого когнитивного субъекта.

Первым термин «метакогниция» ввел в использование в 70-х гг. Джон Флэйвел, имея в виду особый познавательный процесс, направленный на понимание собственной когнитивной деятельности, или «мыслительную деятельность, направленную на понимание процессов мышления». Дж. Флэйвел показал, что у детей лишь постепенно формируется способность к правильной оценке возможностей своей когнитивной системы. После подобных исследований метакогницию стали исследовать как одну из существенных структур, определяющих эффективность функционирования когнитивной системы в целом. Например, исследования показали, что затруднения с чтением часто обусловлены не собственно когнитивными дефектами, а вообще неспособностью человека правильно оценить и применить свои ресурсы, то есть метакогницию.

Понятие метакогниции позволяет ввести новое измерение в анализ когнитивной системы: функционирование последней перестает выглядеть как механическое, а оказывается подчиненным регуляции со стороны субъекта.

Метакогницию часто представляют как комплексный феномен, состоящий из двух базовых компонентов: умения познавать и умения управлять этим процессом. Метакогнитивные знания включают в себя знания о себе как познающем субъекте и факторах, влияющих на процесс познания: знание о приемах познания и когда, для чего они могут быть использованы.

Наиболее общее определение метакогниций дают Д. Шартье и Э. Лоарер. Авторы склонны считать основным критерием различения когнитивных и метакогнитивных процессов их объект. Они пишут: «Для нас часто то, что разделяет познание и метапознание, является не столько осознание, сколько, по большей части, природой объекта познания. Когнитивные процессы приложимы к объектам в широком смысле, а метакогнитивные процессы применяются к когнитивным процессам» [12, с. 202].

Дж. Меткалф и А. Шимамура отмечают, что при исследовании метакогниции основной методологической проблемой является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений, которая связана с рядом феноменов:

1. Феномен чувства знания – погрешность в точности актуализации знаний.
2. Иллюзия знаний – метакогнитивное искажение, при котором человек преувеличивает степень понимания материала.
3. Эффект Даннинга-Крюгера – метакогнитивное искажение, при котором люди с низкими когнитивными способностями склонны завышать последние и, наоборот, люди с высокими способностями, склонны занижать свою самооценку.

Сложность вычленения данного слоя сознания – метакогниции – и его описания связана с тем, что мы пока плохо представляем себе, что такое сознание. А. Лурия отмечал, что мысль не поддается психологическому описанию, в том числе и потому, что «трудно распечатать само осмысление и акт наблюдения над этим процессом. Трудно сознательно наблюдать протекание собственной сознательной мысли и продолжать мыслить» [11, с. 141].

Несмотря на методологические трудности, исследователи не оставляют попыток вычленировать метакогницию как совокупность осознаваемых когнитивных состояний, иными словами, описать модель сознания субъекта. В модели сознания, разработанной П. Гарденфорсом, выделяется 6 компетенций, или способностей, в совокупности характеризующих метакогнитивный уровень сознания субъекта:

1. Модель внутреннего мира: организация внутреннего опыта, которая позволяет построить ментальные модели ситуации для планирования и прогнозирования поведения.

2. Модель эмоций: возможность понимания, что кто-то еще испытывает боль, и сочувствия.

3. Модель внимания: способность понимать, куда направляют свое внимание другие когнитивные субъекты.

4. Модель интенции: осознание причинности, помогающей понять мир, моделировать, предсказывать его, прогнозировать последствия своего поведения в нем.

5. Моделирование модели психического другого когнитивного субъекта: понимание, что другой имеет убеждения, желания, которые могут отличаться от собственных убеждений и желаний.

6. Модель самосознания: способность репрезентации собственного внутреннего мира.

Формирование метакогнитивных способностей происходит позднее других когнитивных способностей и является одним из условий формирования языковой способности.

С этой точки зрения, человеческий язык полагается не просто одной из высших психических функций, а, как утверждает Т. Черниговская, особой видоспецифической способностью мозга, которая дает не только возможность строить и организовывать чрезвычайно сложные сигналы, но и обеспечивать мышление – формировать концепты и гипотезы о характере, структуре и законах мира.

Важная роль метакогниции заключается в том, что они позволяют осознать пробелы в фактическом, концептуальном и процедурном знании, а также прилагать усилия для приобретения и построения нового знания. Эти идеи перекликаются с рассуждениями академика В. Зинченко: «Живое знание представляет собой своего рода интеграл (суперпозицию) различных видов знания: знания до знания, институционализованного знания, знания о знании – и незнания; незнание своего незнания, знание о незнании» [7, с. 32–33]. Он убежден, что «такое знание о незнании – не только мотив к расширению и углублению знания о живом, но и преграда против безрассудства, дерзости, самонадеянности, гордыни» [7, с. 33].

Отмечается, что вербализация метакогнитивных процессов в научном дискурсе производится при помощи выражений, отражающих рефлексию познающего субъекта над производимыми им ментальными операциями: сформулировать проблему, высказать предположение, обосновать актуальность исследования, сделать вывод. Возможно, стоит подчеркнуть или же обозначить подобный инвариант, что одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего исследования «метакогнитивной проблематики» выступает разграничение и сопоставление познания и мышления, метапознания и «метамышления», а также языковых средств их вербализации.

В интерпретации же когнитивной лингвистики языковое значение не является строгой упорядоченностью автономных минимальных компонентов, но представляет собой гештальт. Значение одновременно является и организованной структурой, и целостным образом, интегрирующим логическое и интуитивное, чувственное. Разные типы языковых значений находятся в разной степени приближения к полюсам логически упорядоченного и образного, эмоционального, чувственного.

Двигаясь в противоположном направлении – от языкового значения к другим типам когниции, лингвисты-когнитологи рассматривают языковые значения в аспекте репрезентации ими концептуальных структур, совокупность которых – языковая картина мира – интерпретируется как

семиотическая среда, опосредствующая контакты человека с физической средой и влияющая на них.

В связи с этим сейчас можно говорить о существовании когнитивной науки, которая, по определению Е. Кубряковой, междисциплинарна и представляет собой зонтичный термин [9, с. 27] для целого ряда наук: когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, философской теории когниции, логического анализа языка, теории искусственного интеллекта, нейрофизиологии; «уже сложились такие дисциплины, как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т. е. почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [9, с. 28–31].

Когниция как процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании, в настоящее время в современной науке понимается гораздо шире – «означавший ранее просто «познавательный» или «относящийся к познанию», термин «когнитивный» все более приобретает значение «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» [10, с. 234–237].

Методологический характер концепции «языковой игры» Л. Витгенштейна определяет возможность «технического» отношения к языку философии и исследования средств философской «языковой игры» в рамках научного предмета лингвистики.

Следует обозначить, что в дальнейшем задачами когнитивной науки будет описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки, и переработки информации, и исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, установление их взаимосвязи и взаимодействия.

Литература

1. Величковский Б. Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2-х т. / Б. Величковский. – М. : Смысл ; Издательский центр «Академия», 2006. – 137 с.
2. Гаспаров Б. Язык. Память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. Гаспаров. – М., 1996. – 231 с.
3. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Денет ; пер. с англ. А. Блинова // Аналитическая философия : становление и развитие (антология) ; сост. А. Грязнов. – М. : ДИК «Прогресс-Традиция», 1998. – 361–375 с.
4. Лангаккер Р. Когнитивная грамматика / Р. Лангаккер. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – 56 с.
5. Залевская А. Проблема «тело – разум» в творчестве А. Домазио / А. Залевская // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 1 : Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – 82–104 с.
6. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура) : набросок единой биокультурной теории значения / Й. Златев // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 1 : Язык и познание : методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – 308–361 с.
7. Косиков Г. «Структура» и/или «текст» : стратегии современной семиотики / Г. Косиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/structure.html>.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. Кубрякова Е. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека / Е. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов. – Тамбов, 2006. – 26–31 с.
10. Кубрякова Е. Язык и знание / Е. Кубрякова. – М., 2004. – 264–276 с.
11. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект / Дж. Лакофф. – М. : Прогресс, 1996. – 416 с.
12. Лурья Ф. Язык и сознание / Ф. Лурья ; под ред. Е. Хомской. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 131–154 с.
13. Прохоров А. Когнитивные исследования : [сб. научн. тр.] / А. Прохоров. – Вып. 1 ; под ред. В. Соловьева. – М., 2006. – 186 с.

14. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию. – М., 1977. – 266 с.
15. Churchland P. Neurophilosophy : Towards a Unified Theory of Mind Brain / P. Churchland. – Cambridge, Massachusetts : Bradford Books/MIT Press, 1986.
16. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen / L. Wittgenstein. – Oxford, 1953 // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. – Ч. II. – М., 1975. – 169–176 с.
17. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind : Cognitive Science and Human Experience / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge, MA : MIT Press, 1991.
18. Pinker S. How the Mind Works. Presented at the New York / S. Pinker. – New York : W. W. Norton & Company, 1997.
19. Fodor J. Concepts : Where Cognitive Science Went Wrong / J. Fodor. – New York : Oxford University Press, 1998.
20. Consciousness and the Computational Mind / R. Jackendoff. – Cambridge, Massachusetts : Bradford Books/MIT Press, 1987.
21. Hunt E. Human intelligence / E. Hunt. – New York : Cambridge University Press, 2011. – 507 p.
22. White B. A Theoretical Framework and Approach for Fostering Metacognitive Development / B. White // Educational Psychologist. – 2005. – Vol. 40. – Iss. 4. – 211–223 p.

Аннотація

Зобенко К. И. Интроспекция метакогнитивного опыта в «языковых играх» Л. Витгенштейна. – Статья.

Философское творчество позднего Л. Витгенштейна представляет собой разработку методологических оснований феномена «языковых игр», которые изложены не в виде некоторой теории, а систематично выявляются в самом философском тексте через постоянное «прояснение», переинтерпретацию. Технический язык философии Л. Витгенштейна представляет собой квинтэссенцию «языковой игры» – философскую «языковую игру» в действии. Л. Витгенштейн убежден, что человек стоит на границе мышления и реальности, и язык позволяет более четко обозначить эту границу. Но как расширить границы мышления? Признание речемыслительной деятельности как единого психического процесса дает основание для дискуссии о том, каков вклад языка в формирование метакогнитивных способностей человека, с одной стороны, и с другой – в какой степени становление метакогниции способствует развитию языка. В статье рассматривается проблема взаимообусловленности метакогниции и языковых структур, репрезентирующих содержание данных когнитивных процессов. Представлены некоторые точки зрения на роль языка в формировании метакогнитивных функций и роль метакогниции в становлении языковой способности.

Ключевые слова: когниция, когнитивные искажения, метакогниция, модель сознания, «языковые игры».

Анотація

Зобенко К. І. Інтроекція метакогнітивного досвіду в «мовних іграх» Л. Вітгенштейн. – Стаття.

Філософська творчість пізнього Л. Вітгенштейна є розробленням методологічних основ феномена «мовних ігор», які викладені не в вигляді певної теорії, а систематично виявляються в самому філософському тексті через постійне «прояснення», переінтерпретацію. Технічна мова філософії Л. Вітгенштейна є квінтесенцією «мовної гри» – філософською «мовною грою» в дії. Л. Вітгенштейн переконаний, що людина стоїть на межі мислення та реальності, і мова дозволяє більш чітко позначити цю межу. Але як розширити межі мислення? Визнання мовленнєво-мислиннєвої діяльності як єдиного психічного процесу надає підставу для дискусії про те, який внесок мови у формування метакогнітивних здібностей людини, з одного боку, і з другого – якою мірою становлення метакогниції сприяє розвитку мови. У статті розглядається проблема взаємозумовленості метакогниції та мовних структур, які репрезентують зміст зазначених когнітивних процесів. Представлені деякі варіанти поглядів на роль мови у формуванні метакогнітивних функцій і роль метакогниції в становленні мовленнєвої здібності.

Ключові слова: когниція, когнітивні відхилення, метакогниція, модель свідомості, «мовні ігри».

Summary

Zobenko K. I. Introspection of metacognitive experience in “language games” L. Wittgenstein. – Article.

The philosophical creativity of the late L. Wittgenstein is the development of the methodological foundations of the phenomenon of “language games”, which are not presented in the form of a theory, but are revealed in the philosophical text through of the reinterpretation. The technical language of L. Wittgenstein’s philosophy is the quintessence of the “language game” – the philosophical “language game” in action. L. Wittgenstein is convinced that man stands on the borderline of thinking and reality, and language allows more clearly to designate this boundary. But how to expand the purview of thinking? Recognition of speech- intellectual activity as a single mental process provides a basis for discussion about the contribution of language to the formation of metacognitive abilities of a person, on the one hand, and on the other – to what degree the development of metacognition contributes to the development of language. The article discusses the problem of the interdependence of metacognition and language structures that represent the content of cognitive processes. There are presented some points of view on the role of language in the formation of metacognitive functions and the role of metacognition in the development of language ability.

Key words: cognition, cognitive distortions, metacognition, model of consciousness, “language games”.